

DOI 10.35775/PSI.2025.123.6.045

УДК 32.327

ЛЮ КАНСИНЬ

аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

E-mail: liukangxin919@outlook.com

А.М. КУЛИКОВ

кандидат исторических наук, доцент

кафедры региональных проблем мировой политики

факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

ПОЛОЖЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ «ПОВОРОТА НАТО К АТР» И «ВОСТОЧНОГО КУРСА» РОССИИ

В статье рассматривается трансформация геополитической ситуации в Восточной Азии в 2023–2025 гг., вызванная «поворотом НАТО к Азиатско-Тихоокеанскому региону» и параллельным усилением «восточного курса» России. Исследуются доктринальные основания, институциональные инициативы и политические практики НАТО по укреплению присутствия в регионе в контексте растущей роли КНР и Японии. Также рассматриваются цели и основные этапы российской стратегии поворота на Восток и политико-экономические последствия пересечения векторов евроатлантической и российской политики в Восточной Азии. Особое внимание уделено анализу новых форм сотрудничества, особенностей партнерств (Япония–НАТО, РФ–КНР и др.), а также рисков эскалации региональных противоречий и влияния на региональную безопасность.

Ключевые слова: Восточная Азия, НАТО, АТР, геополитика, восточный курс России, РФ и КНР, безопасность, стратегическое партнерство, международные отношения.

В начале 20-х гг. XXI в. обстановка в Восточной Азии характеризуется сложным балансом интересов ведущих центров силы: КНР, США и их союзников по НАТО, России, а также региональных держав (Индия, Южная Корея, Япония и др.). С одной стороны, после саммитов НАТО в Вильнюсе (2023 г.) и Гааге (2025 г.) наблюдается устойчивый курс на наращивание евроатлантического политико-военного присутствия в Азии, выраженный в углублении партнерских программ с Австралией, Южной Кореей и Японией, а также усилении технологического и военного взаимодействия в рамках новой стратегии «проецирования коллективной силы» [10]. С другой стороны, российская внешняя политика после 2014 г. последовательно реализует «восточный курс», что проявляется в приоритете интеграционных инициатив с КНР, странами АТР и ЕАЭС, в том

числе как ответ на трансформацию мировой системы и санкционные меры коллективного «Запада» [15. С. 166-169].

На фоне нарастания противоречий между США, их азиатскими партнерами и КНР, а также формирования новых коалиций и партнерств (AUKUS, Quad и др.), Восточная Азия становится пространством открытого соперничества и переосмысления концепций безопасности. Ключевое противоречие заключается в том, что «поворот НАТО» воспринимается КНР и Россией как фактор военно-политической дестабилизации и попытка поменять региональный баланс сил, что, в свою очередь, ведет к усилению российско-китайского сотрудничества и переоценке стратегических приоритетов других держав региона [13].

В рамках нашей статьи будет рассмотрена динамика и содержания двойного воздействия «поворота НАТО к АТР» и «восточного курса» РФ на структуру международных отношений Восточной Азии в период с 2023 по 2025 гг., а также делается попытка оценить долгосрочные последствия этих процессов в контексте изменения мировой системы.

Политическая архитектура Восточной Азии формировалась под влиянием колониализма XIX-XX вв., перераспределения сфер влияния по итогам мировых войн и последующего противостояния социалистического и капиталистического блоков в период холодной войны. Разделение Корейского полуострова, территориальные споры между КНР, Кореей, Россией и Японией, а также американское влияние (на Тайвань, Южную Корею и Японию) обусловили специфику безопасности и конкуренции в Восточной Азии. В новую эпоху эти исторические противоречия воспроизводятся на фоне возрастания роли экономических, технологических и ресурсных факторов, а также растущего влияния КНР [2. С. 47-53].

США традиционно выступают гарантом безопасности в регионе, используя разветвленную систему двусторонних военных союзов (с Австралией, Южной Кореей и Японией), а также развивая новые многосторонние форматы (ANZUS, AUKUS, QUAD). После 2020 г. американское влияние в регионе было усилено за счет технологических и военных аспектов взаимодействия с вышеназванными партнерами. США лоббировали участие государств региона в инициативах НАТО и регулярно проводили военные учения с привлечением союзников из Атлантики, что объективно воспринимается КНР и РФ как фактор риска эскалации [2. С. 47-53].

По сравнению со странами Запада и КНР позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе были слабее, несмотря на наличие выхода к Тихому океану на Дальнем Востоке. После 2014 г., в условиях санкционного давления, Россия перенацелила экономическую, инвестиционную и дипломатическую политику на Восток, обозначив приоритет на углубление партнерства с КНР, странами АСЕАН и активизацию роли региональных форумов (ВЭФ, ЕАЭС, ШОС). Наметилось стремление сформировать альтернативную архитектуру экономического и военно-политического сотрудничества, однако структура взаимодействия и реальные масштабы влияния РФ в регионе остаются ограниченными,

особенно после 2022 г. из-за усложнения отношений с Южной Кореей и Японией [13].

Еще одним важнейшим фактором положения Восточной Азии в XXI в. является быстрый рост роли КНР, который не только становится экономическим лидером, но и активно формирует собственные региональные инициативы безопасности и интеграции (форумы BRI, ШОС). Япония и Республика Корея, обладая технологической и инвестиционной мощью, остаются стратегическими союзниками США, но параллельно усиливают собственные форматы взаимодействия с Юго-Восточной Азией. Индия демонстрирует прагматичную политику, поддерживая баланс между участием в Quad и диалогом с Россией и Китаем. АСЕАН сохраняет позиции коллективного гаранта стабильности, выступая посредником между интересами крупных держав и реализуя проекты экономического и гуманитарного сотрудничества в регионе.

Для современной стратегии НАТО Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой зону побочного давления и «расширенного сдерживания» в условиях растущей активности КНР и переосмысления роли США в мире. Альянс обосновывает вовлечение в регионе необходимостью проецирования коллективной силы на фоне «неделимости безопасности» Евро-Атлантики и Индо-Тихоокеанского региона.

Ключевые формы расширения влияния НАТО включают институционализацию партнерских отношений с союзниками в регионе, проведение совместных военных учений, обмен разведанными, логистическую и военно-техническую кооперацию на базе стандартов альянса. Расширяются кибернетические и технологические каналы обмена, в том числе через подготовку совместных программ быстрого реагирования на кибер-угрозы, а также участие в оборонных разработках (например, цифровые платформы и кибер-учения). Намечены попытки институционализировать партнерство: создаются консультативные механизмы со странами-«внешними партнерами», проходят официальные встречи на полях саммитов НАТО, а отдельные азиатские страны включаются в обсуждение стратегии коллективной безопасности [11].

КНР и РФ последовательно выступают против «натофикации» [11] АТР, заявляя, что новое военное присутствие нарушает исторически сложившиеся региональные механизмы безопасности и ведет к фрагментации единого пространства и провоцирует гонку вооружений.

Активизация НАТО чревата рисками дестабилизации, вместе с тем новые формы сотрудничества могут стимулировать технологический обмен, укрепление национального потенциала в сфере кибербезопасности и обороны, а также стимулировать интеграцию отдельных игроков в глобальные технологические цепочки.

Восточный курс России, реализуемый с 2014 г. и усилившийся после начала СВО в 2022 г., формирует стратегическую альтернативу западному направлению внешней политики РФ. Этот поворот представляет собой комплексный, поэтапный процесс, охватывающий пространство Дальнего Востока, активное освоение

Арктики, масштабное развитие связей с ведущими государствами Азии – КНР, Индией, странами АСЕАН, а также заметное усиление военно-политического компонента. Следование этой стратегии сопровождается существенными вызовами: инфраструктурными ограничениями, конкуренцией с КНР и продолжающимся санкционным давлением. Содержание и основные этапы политики представлены в таблице 1.

Таблица 1. Содержание и этапы «поворота на Восток»

Этап	Содержание	Характерные черты
2014-2019	Начальная фаза. Ставка на привлечение инвестиций, развитие Дальневосточного федерального округа (ДФО).	Создание территорий опережающего развития, льготы для региональных инвесторов, запуск Восточного экономического форума.
2020-2022	Углубление интеграции с КНР и АСЕАН. Запуск крупных энергетических проектов.	Рост товарооборота с КНР, строительство новых газопроводов, расширение железнодорожных мостов, начало преобразований Транссиба и БАМа.
2022-2025	Масштабное расширение программ сотрудничества, цифровизация и технологический скачок.	Внедрение ИИ-проектов (GigaChat и др.), развитие транспортно-логистических хабов, запуск программ цифровых компетенций и новых инвестпроектов, формирование единого преференциального режима для Дальнего Востока и Арктики

Арктика и Дальний Восток рассматриваются как ключевые пространства геополитической экспансии России и базис для новых индустриальных и транспортных инициатив. За последние десять лет валовой региональный продукт ДФО увеличился в 2,5 раза, объем инвестиций превысил 20 трлн руб., а портовые мощности удвоились. Арктика интегрируется в единый Трансарктический коридор, обеспечивающий доступ к торговым путям через Северный морской путь. Современные технологии и система льгот стимулируют рост числа высокотехнологичных проектов и приток квалифицированных кадров.

Российский восточный вектор основан на интенсивном наращивании связей с КНР – преимущественно в торгово-энергетической сфере и высоких технологиях. Для взаимодействия с АСЕАН разработана долгосрочная стратегия до 2035 г., включающая совместные ИИ-решения, финтех, аграрные проекты и программы цифровизации. В сегменте технологического обмена Россия предлагает партнерам уникальные национальные продукты, фокусируясь на принципах невмешательства и уважении суверенитета.

Военно-политическая стратегия РФ включает совместные учения, патрулирования и обмен опытом с КНР и Индией, а также раскрытия потенциала

Дальнего Востока и Арктики как зон оборонного значения. Особое внимание уделяется обеспечению кибербезопасности, развитию военной инфраструктуры, а также интеграции новых оборонных технологий в региональные программы развития.

Среди главных вызовов восточного курса сохраняются:

- 1) санкционное давление на экспорт и высокотехнологичные отрасли;
- 2) ограничения транспортно-логистической инфраструктуры, высокая стоимость новых проектов;
- 3) конкуренция с КНР на дальневосточных рынках, риски технологической зависимости;
- 4) малая плотность населения в Арктике и на Дальнем Востоке, кадровый дефицит;
- 5) необходимость ресурсного и инвестиционного обеспечения стратегических проектов.

В условиях «двойного влияния» Восточная Азия становится ареной интенсивного взаимодействия и противостояния, испытывая одновременное давление как со стороны расширения военно-политического присутствия НАТО и США, так и вследствие реализации РФ своего восточного курса в регионе. Это формирует новые параметры стратегической неопределенности, побуждая страны региона к балансированию между конкурирующими центрами силы и поиску собственных моделей национальной безопасности.

Взаимодействие и противостояние в регионе характеризуется следующими факторами:

1. США, Южная Корея и Япония переходят к формализации альянса, трактуя его как «азиатское НАТО», что вызывает беспокойство КНР и РФ. Одновременно растет вероятность углубления стратегического партнерства Пекина и Москвы (число совместных военных учений сторон представлено на рис. 1; число личных встреч председателя КНР с президентом РФ см. на рис. 2).

2. АСЕАН, несмотря на тесную кооперацию с КНР и РФ, сохраняет умеренно нейтральную позицию, опасаясь эскалации конфликтов и стремясь не подрывать связи с Западом.

3. Для Южной Кореи и Японии КНР воспринимается как главный стратегический вызов. Это утверждается содержится в официальных документах (например, японской «Белой книге – 2025»), что приводит к усилению военных расходов, изменению оборонных концепций и разворачиванию новых объектов инфраструктуры [14].

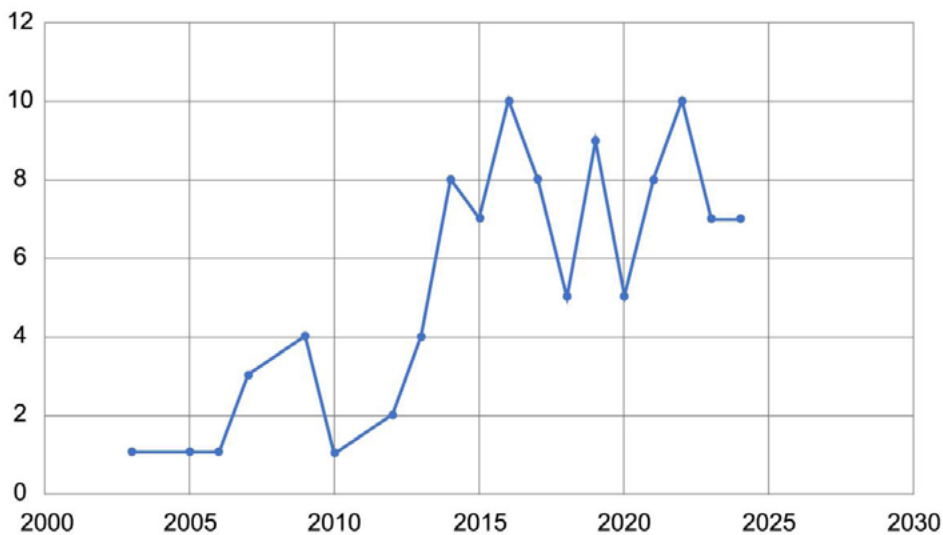

Рис. 1. Число совместных военных учений КНР и РФ (двусторонних и многосторонних) [17]

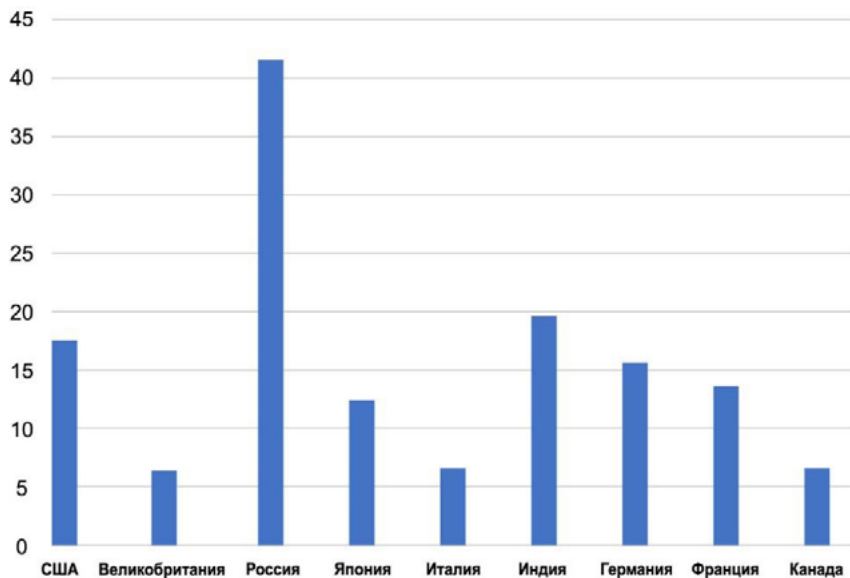

Рис. 2. Число личных встреч председателя КНР Си Цзиньпина с лидерами отдельных стран с 2013 г. [18]

Рассмотрим стратегии стран Азии под двойным влиянием в таблице 2.

Таблица 2. Восточная Азия под двойным влиянием: реакции и стратегии стран региона [6; 7; 8; 1. С. 165-181]

Страна/блок	Реакция на усиление НАТО и США	Реакция на политику РФ и КНР	Стратегия балансирования
Япония	Расширение оборонных расходов, военная модернизация, поддержка идеи «азиатского НАТО»	Сдерживание роста влияния КНР и РФ, ограниченное экономическое сотрудничество	Союз с США с сохранением частичной экономической кооперации с КНР
Южная Корея	Поддержка американо-японского альянса, совместные учения	Осторожные отношения с РФ и КНР, диалог через многостороннюю дипломатию	Вовлеченность в альянсы, но сохранение каналов диалога
КНР	Противодействие милитаризации региона, усиление стратегических связей с РФ	Продвижение инициатив по формированию внеблоковой архитектуры безопасности	Укрепление коалиции с РФ, экономическое давление на соседей
Россия	Нацеленность на многополярность, критика расширения НАТО	Наращивание военного, экономического и технологического партнерства с КНР и АСЕАН	Акцент на интеграции с не-западными партнерами
АСЕАН	Сдержанная поддержка новых форматов безопасности США	Сотрудничество с КНР и РФ по инфраструктурным и технологическим проектам, диверсификация	Акцент на нейтралитете, баланс интересов

Для анализа сложной международной обстановки в Восточной Азии предлагается модель «многослойного геополитического поля», которая отражает многогранность и взаимосвязанность ключевых акторов и их стратегий. Она представлена в таблице 3.

Таблица 3. Модель многослойного геополитического поля Восточной Азии

Слой	Основные субъекты	Характеристика влияния
Внешний слой	НАТО, США, ЕС	Ведут глобальную стратегию сдерживания РФ и КНР, укрепляют военно-политическое присутствие, продвигают системы союзов и контроль над технологическими стандартами.

Слой	Основные субъекты	Характеристика влияния
Внутренний слой	РФ, КНР, АСЕАН	Формируют альтернативные центры силы, развивают многовекторное сотрудничество, строят интеграционные проекты в экономике и безопасности, развивают транспортно-энергетические коридоры.
Локальный слой	Япония, Южная Корея, Индия, Тайвань и др.	Осуществляют стратегию национальной автономии или балансирования между внешними игроками, модернизируют военную потенцию, участвуют в региональных альянсах и инициативах.

Таблица 4. Сценарный анализ будущего развития региона

Сценарий	Описание	Потенциальные последствия
Сценарий 1: Эскалация	Усиление блоковой конфронтации, углубление военного и политического противостояния НАТО с РФ/КНР, рост риска региональных конфликтов и кризисов	Военные столкновения, расстановка новых блоков, экономическая дестабилизация, ограничение сотрудничества, рост напряженности в международных институтах.
Сценарий 2: «Двойная развязка»	Увеличение автономии и самостоятельности стран Восточной Азии, рост роли региональных блоков (АСЕАН, РИК и др.), снижение влияния внешних сил	Развитие региональной интеграции, диверсификация внешнеполитических связей, усиление внутреннего потенциала и технологической независимости.
Сценарий 3: «Сращивание»	Постепенное выстраивание мостов между РФ и западными странами через посредничество КНР или Индии, формирование гибридных альянсов	Снижение геополитической конфронтации, рост многостороннего сотрудничества, появление новых форматов безопасности и торговли, интеграция в многополярный мир.

Авторская гипотеза заключается в том, что Восточная Азия в 2025-2035 гг. станет лабораторией новой многополярности. В процессе устойчивой конкуренции между НАТО и стратегиями РФ и КНР регион перестанет быть ареной традиционного блокового противостояния («новой холодной войны»). Вместо этого возникнут гибридные, многоуровневые союзы и кооперация, сочетающие элементы соперничества и партнерства.

Это означает, что будущее региона определяется не жесткой поляризацией, а сложным балансом интересов, где ключевые игроки будут адаптировать стратегии под меняющиеся вызовы и возможности. Восточная Азия может стать

примером нового типа международных отношений, основанных на пластичности, взаимозависимости и комплексном учете многослойных интересов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Асмолов К., Бабаев К.** Трехполярный мир и блоковые треугольники в Восточной Азии // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181.
2. **Бирюков С.В.** Российский «разворот к Азии» и перспективы многостороннего сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 1.
3. **Букреева Т.** Роль политического взаимодействия России и Китая в обеспечении международной стабильности // Известия Восточного института. 2023. № 3 (59). DOI: 10.24866/2542-1611/2023-3/145-161.
4. **Дунаевский И.** США намерены расширить военный блок AUKUS // Интернет-сайт Российской газеты // <https://rg.ru/2024/03/20/aliansy-rasstavliaiut-v-set.html>.
5. Зачем США строят азиатское НАТО у границ России и как это изменит баланс сил в мире? // Интернет-сайт Лента // <https://lenta.ru/articles/2025/09/05/a-lankov/>.
6. **Иванов Г.Г.** Двойное контрсдерживание: анализ перспектив создания формализованного ядерного альянса между Китаем и Россией // Номер 2'2025 // Интернет-сайт // <https://www.afjournal.ru/2025/2/forecasting-studies/dual-counter-deterrence-evaluating-the-implications-of-a-formalized-nuclear-alliance-between-china-and-russia>.
7. Китай и Россия против НАТО в Азии // Интернет-сайт // <https://trt.global/russian/article/ae87e784f230>.
8. Лавров назвал опасной идею размещения инфраструктуры НАТО в Азии // Интернет-сайт // <https://iz.ru/1919503/2025-07-12/lavrov-nazval-opasnoi-ideiu-razmeshcheniia-infrastruktury-nato-v-azii>.
9. Лидеры России и АСЕАН приняли план действий по реализации партнерства до 2025 года // Интернет-сайт Мир перемен // <http://mirperemen.net/2021/10/lidery-rf-i-asean-prinyali-plan-dejstvij-po-realizacii-strategicheskogo-partnerstva-do-2025-goda/>.
10. НАТО собирается усилить влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Интернет-сайт caliber // <https://caliber.az/post/nato-sobiraetsya-usilit-vliyanie-v-aziatsko-tihookeanskom-regione>.
11. НАТО планирует наращивать участие в делах Азиатско-Тихоокеанского региона AUKUS // Интернет-сайт ТАСС // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23617299>.
12. **Науменко А., Салтанов С.** Стратегическое оборонное партнерство России, Китая и Северной Кореи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1.

13. Новая модель отношений между Китаем, США и Россией: война, сотрудничество и стратегические возможности Китая // Интернет-сайт о пир-центре // <https://pircenter.org/editions/analiz-19-2025-novaya-model-otnoshenii-mezhdu-kitaem-ssha-i-rossiei-voina-sotrudnichestvo-i-strategicheskie-vozmozhnosti-kitaya> // Анализ. 2025. № 1 (19).
14. Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ в связи с публикацией в Японии ежегодного обзора «Белая книга по обороне» // Интернет-сайт Министерство иностранных дел в Российской Федерации // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2036849/.
15. **Севастьянов С.В.** Обзор монографии «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения проблемы, перспективы / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. Т. 62. № 3.
16. China Diplomacy // http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-02/22/content_117727689.shtml.
17. China-Russia Joint Military Exercises. CSIS. 07.08.2024 // <https://chinapower.csis.org/data/china-russia-joint-military-exercises/>.
18. China-Russia Relations. CSIS. 09.11.2023 // <https://chinapower.csis.org/series-china-russia-relations/>.
19. Form 6-K. Report of foreign private issuer pursuant to rule 13a-16 or 15d-16 under the securities exchange act of 1934 // Dated August 1, 2025 // Commission File Number 001-35788 // Notes to the interim condensed consolidated financial statements for the six months ended June 30, 2025.
20. Ministry of Foreign Affairs of China // https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/202502/t20250215_11555652.shtml.

LIU KANGXIN

Postgraduate Student, Lomonosov
Moscow State University,
Moscow, Russia

A.M. KULIKOV

PhD in History, Associate Professor,
Department of Regional Problems of World Politics
Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia

A STUDY OF EAST ASIAN GEOPOLITICS UNDER THE DUAL INFLUENCE OF NATO'S «PIVOT TO ASIA» AND RUSSIA'S «EASTERN COURSE»

This article analyzes key transformations in the geopolitical situation in East Asia in 2023–2025 caused by NATO's unidirectional «pivot to the Asia-Pacific region» and Russia's parallel strengthening of its «eastern course.» It examines NATO's doctrinal foundations, institutional initiatives, and political practices for strengthening its presence in the region in the context of the growing role of China and Japan. The objectives and stages of Russia's pivot to the East strategy are examined, as well as the political and economic consequences of the intersection of Euro-Atlantic and Russian policy vectors in East Asia. Particular attention is paid to the analysis of new forms of cooperation, the characteristics of partnerships (Japan-NATO, Russia-China, etc.), as well as the risks of escalating regional conflicts and their impact on regional security.

Key words: East Asia, NATO, Asia-Pacific region, geopolitics, Russia's Eastern policy, Russia and China, security, strategic partnership, international relations.